

Предисловие к английскому переводу романа «Соглядатай» («The Eye»)

<...>^{*1} Оригинал был написан в 1930-м году в Берлине, где мы с женою снимали две комнаты у немецкого семейства на тихой Луитпольдштрассе, а в конце того же года он был напечатан в русском эмигрантском журнале «Современный записки», выходившем в Париже. Люди в этой книге — любимые персонажи моей литературной юности: русские изгнанники, обитающие в Берлине, Париже или Лондоне. Конечно, они вполне могли бы быть норвежцами в Неаполе или амbrasьянцами² в Амбридже: меня никогда не занимали социальные вопросы; я просто пользовался материалом, который оказывался под рукой, подобно тому как разговорчивый собеседник за обедом в ресторане набрасывает карандашом на скатерти уличный перекресток или располагает крошку и две маслины в виде диаграммы между картой и солонкой. Забавно, что вследствие этого равнодушия к общественной жизни и к притязаниям истории социальная группа, на которой художник беспечно задержал свой взгляд, приобретает характер ложной устойчивости и принимается и писателем-эмигрантом, и эмигрантами-читателями как нечто само собою разумеющееся в данное время и в данном месте. На смену Ивану Ивановичу и Льву Осиповичу 1930-го года давно пришли нерусские читатели, и их смущает и раздражает то обстоятельство, что они должны вообразить себе общество, о котором не имеют ни малейшего понятия; ибо

* Пропущен целиком первый абзац, в котором Набоков объясняет свой выбор заглавия для английской версии «этого небольшого романа» (*The Eye*) и сообщает, что он был напечатан под этим заглавием в первых трех номерах американского иллюстрированного журнала «Повеса» (*Playboy*) за 1965 год. — Пер.

Я не устану повторять, что губители свободы выдрали огромное множество странниц из прошлого, начиная с того времени, около полувека тому назад, когда советской пропаганде удалось обманом убедить общественное мнение за границей не замечать или принижать значение русской эмиграции (все еще живущей своего летописца).

Время повествования — 1924—1925-й годы. Гражданская война закончилась четырьмя годами раньше. Ленин только что умер, но его тиранический режим продолжает здравствовать. Двадцать немецких марок стоят меньше пяти долларов³. Между апатридами, живущими в том Берлине, что описан в книге, есть люди самых разных состояний, от нищих до преуспевающих коммерсантов. К этим последним принадлежит Каширин, Матильдин *cauch-maresque* муж (вероятно, бежавший из России южным маршрутом через Константинополь) и отец Евгении и Вани, пожилой господин, который умело руководит Лондонским отделением одной немецкой компании и держит танцовщицу. Каширин относится к сословию, которое англичане называют «средним», но две барышни, живущие в доме номер 5 на Павлинье, явно принадлежат к русскому дворянству, титулованному или нетитулованному, — что не мешает им иметь мещанские литературные вкусы. Муж Евгении, человек с мясистым лицом и с фамильей, звучащей сегодня несколько комично⁴, служит в Берлинском банке. Полковник Мухин, неприятный сухарь, сражался в 1919-м году в армии Деникина, а в 1920-м — Врангеля, говорит на четырех языках, имеет хо-лодные, светские манеры и, верно, будет преуспевать на теплом mestechke, на которое его прочит будущий *beau-père*. Роман Богданович — остзеец, в котором больше немецкой культуры, чем русской. Чудаковатый еврей Вайншток, женщина-врач и пацифистка Марианна Николаевна и сам повествователь, ни к какому классу не относимый, суть представители разнообразной русской интеллигенции. Эти разъяснения должны несколько облегчить чтение тем читателям, которые вроде меня осторегаются романов, где призрачные герои обитают в незнакомой среде, — например, переводов с венгерского или китайского.

Как известно (если воспользоваться знаменитым русским трафаретом), мои книги отличает не только полное и благословенное отсутствие всякого общественного значения, но и совершенная мифонепроницаемость; фрейдианцы жадно кружат возле них, подлетают со своими зудящими яйцеводами, но останавливаются, принююхиваются и отпрядывают. С другой

стороны, серьезный психолог может заметить сквозь мои забрызганные сверкающими дождовыми каплями кристограммы мир душерасторения, где бедный Смурров существует лишь постольку, поскольку он отражается в сознании других людей, которые, в свою очередь, пребывают в том же странном, зеркальном состоянии, что и он. По своей фактуре повесть напоминает уголовный роман, но на самом деле автор отрицает всякое намерение разыгрывать читателя, дурачить его, морочить и вообще вводить в заблуждение. Напротив, только тому, кто сразу поймет, в чем дело, «Соглядатай» доставит истинное удовольствие. Маловероятно, что даже очень наивному читателю этой мерцающей повести понадобится много времени, чтобы догадаться, кто такой Смурров. Я испытал это на пожилой англичанке, двух университетских кандидатах, хоккейном тренере, враче и двенадцатилетнем соседском ребенке. Ребенок догадался первым, сосед — последним.

Тему «Соглядатая» составляет предпринятое героем разследование, которое ведет его через обставленный зеркалами ад и кончается тем, что два лица сливаются в одно. Не знаю, ощущает ли теперешний читатель то же острое наслаждение, что испытывал я тридцать пять лет тому назад, пригоняя друг к другу в известном тайном порядке различные стадии разследования, которым занят повествователь; как бы то ни было, важно не то, что порядок этот тайный, а то, что он имеется. Мне кажется, что розыски Смуррова не перестали быть превосходной охотой несмотря на то, что позади столько времени и книг и что мираж одного языка сменился оазисом другого. Читатель не станет мысленно (если только я верно читаю его мысли) низводить содержание этой прозы к чрезвычайно болезненной любовной драме, в которой истерзанное сердце не только отвергают, но еще и унижают и наказывают. Силы воображения, которые в конечном счете суть силы добра, неизменно на стороне Смуррова, и самая горечь мучительной любви оказывается не менее пьянящей и укрепительной, чем высшие восторги любви взаимной.

Монтрё, 19 апреля 1965 года

Перевел с английского
Геннадий Барабтарло

